

О ЗНАЧЕНИИ ФАМИЛИИ ХЛУДОВ В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА «БЕГ»

Д. В. Мельник

Одна из ярчайших акцентированных черт поэтики М. А. Булгакова — его ономастика. Запоминающиеся, яркие имена персонажей — едва ли не первое, что бросается в глаза в его прозе и драматургии. Безликих, незначащих имён, вроде ивановых, петровых, сидоровых, в его произведениях мы вряд ли встретим. Чего стоят хотя бы такие персонажи, как поэт Иван Бездомный, Кот Бегемот, профессор Преображенский, Полиграф Полиграфович Шариков, Пончик-Непобеда и др. Значение имени для Булгакова слишком значимо — даже на фоне тех писателей, которые традиционно тяготеют к имени как одному из важнейших средств художественной выразительности, каков, например, Н. В. Гоголь, с его Неуважай-Корытом или Держимордой. Булгаков в этом смысле шёл, конечно, прежде всего за Гоголем (хотя и не только: порою он идёт в этом плане и за Ф. М. Достоевским, имена у которого мотивированы не только сатирой).

Следует, впрочем, учесть, что ономастика в таких произведениях, как «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Мастер и Маргарита» (то есть в произведениях с элементами фантастического), более ярка, выразительна, но, может быть, и более однозначна, нежели ономастика в произведениях реалистического плана. Если имя Ивана Бездомного сразу обращает на себя внимание как «говорящее» и призывающее к исследованию, то имена генерала Чарноты или генерала Хлудова могут произвести впечатление случайных. Нужно хорошо представлять себе как творческую манеру Булгакова, так и историко-культурный контекст, например, «Бега», чтобы отыскать в приведённых выше именах некий акцентированный автором, но им же скрытый смысл. Вопросов ономастики касались в том или ином объёме почти все, кто занимался булгаковской пьесой «Бег», хотя отдельных работ по ономастике в данной пьесе ещё не было опубликовано. Интересные наблюдения были сделаны Н. А. Мороз¹, Л. М. Яновской², Е. А. Яблоковым³. Множество гипотез, хотя и небеспорных, выдвинул в своих работах Б. В. Соколов⁴.

В именах, фамилиях и прозвищах булгаковских персонажей можно увидеть сложную игру стилистически-смысловых оттенков. Фамилия героя обнаруживает и национальную акцентировку, и одновременно исторические аллюзии, обнажающие смысл происходящих событий, и пр.

Разумеется, главное место в ономастике «Бега» занимает Хлудов. Попытки истолковать фамилию одного из главных героев «Бега» генерала Хлудова предпринимались уже неоднократно. Объясняя смысл этой фамилии, исследователи начинают построения на основе её этимологии. Обманчивая парадоксальность заключается в том, что из обращения булгаковедов к одной и той же статье из словаря В. И. Даля вытекают совершенно различные выводы. Например, В. И. Немцев пишет: «В характере Хлудова впечатляюще проявляются *особенности российской смуты*»⁵

(выделено нами. — Д. М.). Исследователь объясняет фамилию Хлудова, опираясь на значение слова «хлуда», представленного в словаре В. И. Даля: «“Хлуда” — это по-русски хлам, сор, навоз, мусор; хворь, хиль, болезнь. “Хлуд” также — это жердь, дубина, дрюк, ослоп, стяг; жердь для увязки воза сена, соломы; рычаг, коим двое носят ушат на плечах, водонос».⁶ Таким образом, для В. И. Немцева «хлам, навоз, мусор» есть «российская смута». Получается, что для Булгакова фамилия Хлудова звучит, условно говоря, как «Навозов», «Хламов», «Мусоров», а может быть и «Хворый», ибо он — якобы в представлении автора «Бега» — самый явный представитель «русской смуты», что-то вроде анархиста Кропоткина. Натяжка здесь слишком явная.

К этой же словарной статье В. И. Даля с какой-то непонятной настойчивостью обращается и Л. П. Пожиганова, которая отходит ещё далее от смысла фамилии Хлудова, нежели В. И. Немцев. Лишь в окончании словарной статьи В. И. Даль указывает сноску: «См. халуй».⁷ В статье «халуй», действительно, есть некая связующая ниточка со словом «хлуда», но уж очень тонкая. Л. П. Пожиганова пишет: «Слово “хлуда”, по Далю, сближается со значением слова “халуй” в диалектном употреблении: “Халуй — холуй, слуга, лакей, холоп, подлый родом и приёмами. Вят. сор, дрызг, нанос от разлива, коим заволакиваются луга”. Совпадение почти полное. Булгаков даёт своему герою фамилию, которая соответствует его портрету и в прямом, и в переносном смысле: Хлудовы — порождение грандиозного исторического “разлива”»⁸. И снова перед нами совершенно очевидная натяжка, не требующая даже особых опровержений. Но нельзя всё-таки не сказать, что «слуга, лакей, холоп, подлый родом и приёмами» у В. И. Даля сближается с вятским словечком «сор» совсем не по смыслу, а всего лишь по звучанию. Таким образом, Л. П. Пожиганова ошибается слишком явно. Фамилии Хлудова с огромной натяжкой придано значение «сора от исторического разлива».

Достаточно простой метод, ставший весьма распространённым со времени переиздания словаря В. И. Даля, не даёт покоя исследователям, изучающим ономастику различных писателей, в том числе и М. Булгакова. Л. В. Тильга, обращаясь к уже упомянутой статье В. И. Даля, берёт наиболее конкретное значение слова «хлуд», которое, кажется, прямо вписывается в образную систему булгаковской пьесы и является, по сути, попыткой интерпретации характера главного героя: «“Хлуд”: шест, жердь. Вольный ассоциативный ряд — дыба, виселица, фонарь. Подтверждая амплу вешателя, это древнее, цельное имя [...] несёт в себе ещё и преобладающую вертикаль. Один в поле. В то же время, согласно демонологии, на кол издревле сажали самоубийцу для изгнания нечистой силы, беса. Так в самом имени [...] словно предугадана динамика образа Хлудова, где грех уже содержит кару»⁹. Трудно поверить, но всё это выросло из одного лишь далевского словечка: «жердь», «долгая хворостина». Согласимся, что слова «дыба», «виселица» и даже «фонарь» — ассоциации слишком уж вольные. Тем более, что приходится ещё обратиться к народной демонологии и такой реалии, как «кол», «для изгнания нечистой силы» — и всё для того, чтобы обозначить «грех» Хлудова. На наш взгляд, это слишком вольные и к тому же очень выпрямленные импровизации. Но всё дело в том, что уже набивший

оскомину метод вольного обращения к словарю В. И. Даля по любому поводу срабатывает далеко не всегда. Всё-таки Булгаков — не П. И. Мельников-Печерский, не писатель-этнограф С. Максимов. Часто его ассоциативный ряд вырастает из совершенно иных культурных корней. Нужно понять, что прежде всего драматург эту фамилию должен был где-то услышать, ведь вряд ли первым его порывом было заглянуть в словарь В. И. Даля и подыскать «подходящую» фамилию. Точно так же маловероятно, что Булгаков, найдя нужный вариант, стал бы корректировать его с оглядкой на словарь Даля. На наш взгляд, гораздо вероятнее, что ему должен был понравиться её звуковой облик. Он очень характерен.

Где именно драматург мог услышать эту фамилию? Что могло привлечь Булгакова в её звучании? Какие ассоциации фамилия могла вызвать у него и, следовательно, каких ассоциаций автор, возможно, ожидал от будущих зрителей своей пьесы? Попробуем ответить на эти вопросы.

Житель Киева, Булгаков, несомненно, обладал знанием основ польской фонетики. Западнорусские языки звучали в семье Булгаковых: по свидетельству сестры писателя, Надежды Афанасьевны Булгаковой, ими владел отец писателя — Афанасий Иванович Булгаков¹⁰. Фамилия Хлудов, конечно, не имеет никакого отношения к польскому языку. Но в ней слышится явственная, хотя и ложная, «польская нотка»: *chlód* — «хлуд» — по-польски: *chłod*¹¹ (в переносном значении — холодность)¹². И здесь вступает в свои права ассоциативность мышления: в «Беге» вокруг Хлудова складывается какая-то своя особая «холодная» атмосфера; не случайно В. В. Гудкова, писавшая о пьесе, обратила внимание на «холод, лёд» и оцепенелую «застылость Хлудова»¹³. Это ощущение создаёт и фон, на котором перед зрителем впервые предстаёт Хлудов — промёрзшая железнодорожная станция с оледеневшими окнами, холодным светом голубых электрических фонарей, — и внешний вид генерала: его неестественная бледность, зябкая принуждённость его позы — он сидит «съёжившись», — и варежки у него на руках. Конечно, в Крыму «случился зверский [...] мороз», но Хлудов зябнет не от мороза.

«Он болен чем-то, этот человек», — пишет Булгаков, имея в виду болезнь не физического порядка. Внутренний озноб героя — это горячий и одинокий холод его личности, это холодные, во многом рассудочные страсти, которые сжигают его.

Подчеркнём, что фамилия Хлудов звучит жёстко, как хлопок, как удар кнута. Это тоже важно для характеристики нервного, бескомпромиссного, решительного человека, у которого поступки неотделимы от мнений и мыслей. Нельзя исключить, что в фамилии Хлудова скрывается отсылка к ещё одному «кающемуся» герою русской литературы — Нехлюдову из романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Впрочем, у зрителя 1920-х годов эта фамилия могла вызывать и внелитературные ассоциации.

Но не один лишь фонетический ракурс важен при объяснении фамилии Хлудова. Здесь мы должны вернуться к вопросу о том, откуда писатель мог взять эту фамилию. Это уже вопрос биографии автора. Для начала обратим внимание на следующий факт: во время написания «Бега» — в августе 1927 года — Булгаков переезжает на новую квартиру, в дом № 35-а по улице Большой Пироговской в Москве.¹⁴ Совсем неподалёку, в доме № 19, и доныне размещается клиника детских болез-

ней Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова. Но в том-то и дело, что старое её название — детская клиническая больница имени М. А. Хлудова!¹⁵ Эта фамилия до революции была широко известна в России, а особенно в Москве: в XIX в. московский купеческий род Хлудовых владел крупными ткацкими фабриками. Купцы Хлудовы были в числе московских меценатов, а самым крупным благотворительным учреждением, созданным ими, и стала Хлудовская больница. Безусловно, Булгакову в любом случае — как врачу — было известно название этой больницы и фамилия купца-мецената.

Уже в XIX в. появился в связи с этой семьёй термин «хлудовщина». Дочь П. М. Третьякова писала: «Много было самодуров в нашей Белокаменной, но самыми знаменитыми из них, понаслышке, были Мамонтовы и Хлудовы. Даже была специальная терминология: “мамонтовщина” и “хлудовщина”»¹⁶. Более того, писатель Я. В. Абрамов (1858–1906) назвал одну из своих повестей «Хлудовщина».

Но почему личность купца Хлудова могла показаться Булгакову интересной? Михаил Алексеевич Хлудов (1843–1885), давший имя заведению, построенному на его средства, прославился своей отчаянной храбростью и любовью к экстравагантным шуткам. Помогал армии в снабжении продовольствием, участвовал в походах в Туркестан и Сербию и был награждён Георгиевским крестом. Был знаком с генералом М. Д. Скобелевым. В. В. Верещагин в своих воспоминаниях назвал Михаила Хлудова «архилихим» купцом¹⁷, а В. А. Гиляровский писал о нём:

Миша был «притчей во языцех»... Любимец отца, удалец и силач, страстный охотник и искатель приключений. Ещё в конце шестидесятых годов он отправился в Среднюю Азию [...] и застрял там, проводя время в охоте на тигров. <...> Там он подружился с генералом М. Г. Чернавиным. Ходил он всегда в сопровождении огромного тигра, которого приручил, как собаку. Солдаты дивились на «вольного с тигрой», любили его за удаль и безумную храбрость и за то, что он широко тратил огромные деньги, поил солдат и помогал всякому, кто к нему обращался¹⁸.

Михаила Алексеевича словно преследовал какой-то злой рок: его молодая жена стала жертвой вражды между братьями Хлудовыми — была нечаянно отравлена. По одной версии, Василий Алексеевич после ссоры подлил яду в кофе Михаила Алексеевича, по другой версии — наоборот, но, как бы то ни было, отраву выпила двадцатилетняя Елизавета Фёдоровна. От этого брака у Михаила Алексеевича остался малолетний сын, который спустя несколько лет тоже погиб по нелепой случайности — столкнули с лестницы в училище. После смерти любимого сына Хлудов и завещал деньги на строительство детской больницы.

Михаил Алексеевич женился снова, но вторая жена, по слухам, прельстившись большим наследством, умышленно спаивала его. В белой горячке Хлудов бывал бун, потому попал в сумасшедший дом, где вскоре и умер¹⁹.

Из писателей не один Булгаков обратил внимание на этого человека. В романе Н. Н. Каразина «На далёких окраинах» (СПб., 1875), посвящённом походу русских войск в Среднюю Азию, Михаил Хлудов выведен под фамилией Хмуров²⁰, а под именем купца Хлынова его изобразил А. Н. Островский в пьесе «Горячее сердце»²¹.

Теперь обратим внимание на то, что в 1926 г., когда Булгаков начинает работать над пьесой «Бег», во МХАТе ставится «Горячее сердце» Островского, причём режиссёром спектакля выступает И. Я. Судаков, который одновременно режиссирует «Дни Турбиных» (и спустя два года возьмётся за «Бег»). Судаков, как и все режиссёры МХАТа, тяготел к «документальности» при подготовке постановок, тщательно изучал реальные прототипы действующих лиц²², так что Булгаков, активно сотрудничавший с Судаковым, несомненно, знал о том, кто послужил прототипом Хлынова. Отсюда можно предположить, что в сложный круг ассоциаций, с которыми связан образ Хлудова, входит не только московский купец, давший герою фамилию, но и его сценическое воплощение — Хлынов. В Хлынове, несомненно, проявлялись черты исторического прототипа — купца Хлудова. Что же именно? О постановке 1926 г. известный театровед Б. И. Зингерман писал: «<И. М.> Москвин играл Хлынова и хлыновскую стихию, затопившую Русь. Он вывел на сцену диковинную фигуру — деспота, склонного к самоуничижению и тоске [...]»²³.

Московского купца с булгаковским персонажем роднят широта душевного размаха, отчаянный характер, склонность к экстравагантности, насыщенность внутренней жизни, буйность на грани помешательства и, наконец, драматичность судьбы. Всё это, разумеется, с соответствующими коррективами. Услышав фамилию Хлудова, уже ставшего героем нескольких литературных произведений, Булгаков, возможно, и не ставил своей целью вызвать воспоминание об этом конкретном человеке, но «принял» её для себя как вариант, отражающий единство жизненной судьбы и сложных ассоциаций, вызванных самой звуковой формой. Несомненно, зритель того времени, помнивший ещё о похождениях купца Хлудова, должен был оценить мастерство Булгакова в области драматургической ономастики.

В основе сюжета пьесы «Бег» лежат исторические факты. Это, несомненно, накладывает отпечаток своеобразия на способ номинации в «Беге». Ономастика пьесы вырастает в основном из исторического контекста: времён Богдана Хмельницкого, эпохи русского меценатства XIX в., наконец, ближайшей эмигрантской истории русской армии. Но присутствуют и устойчивые, повторяющиеся в каждом произведении Булгакова ономастические закономерности. Одним из главнейших остаётся, несомненно, автобиографический фактор, а также постоянная ориентация на Священное Писание, в свете которого осмысливает новейшую историю России Булгаков. Если в произведениях «фантастического» типа этот ветхо- и новозаветный план является доминирующим в поэтике ономастикона, то в «Беге» он несколько ослаблен и тесно переплетён с планом конкретно историческим, в котором для Булгакова важна не только «мифологическая модель», но и точные исторические аллюзии.

¹ Мороз Н. А. Библия и музыка: интертекст в «Беге» М. А. Булгакова // Русская словесность. М., 2006. № 8. С. 21–28.

² Яновская Л. М. Главы из новой книги о Михаиле Булгакове // Уральская новь. Челябинск, 2004. № 19. С. 61–76.

³ Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001. С. 362–363, 339.

⁴ См.: *Соколов Б. В.* Булгаковская энциклопедия. М., 1996; *Соколов Б. В.* Михаил Булгаков: загадки творчества. М., 2008.

⁵ *Немцев В. И.* Трагедия истины. Самара, 2003. С. 128.

⁶ Там же. Ср.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб.–М., 1882. Т. IV. С. 551.

⁷ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т. IV. СПб.–М., 1882. С. 551.

⁸ *Пожиганова Л. П.* Пушкинский интертекст в пьесе М. А. Булгакова «Бег» // К Пушкину сквозь время и пространство. Белгород, 2000. С. 66.

⁹ *Тильга Л. В.* Поэтика драмы рубежа 1920-х – 1930-х годов и мотив самоубийства. М. А. Булгаков. «Бег». Н. Р. Эрдман. «Самоубийца». СПб., 1995. С. 17.

¹⁰ См.: *Чудакова М. О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 33.

¹¹ Новый польско-русский словарь / Р. Стыпула, Г. В. Ковалёва. М., 2004. С. 41.

¹² В. Б. Петров в своей диссертационной работе «Художественная аксиология Михаила Булгакова» (М., 2003) также отметил подобную связь, правда, мельком и без каких-либо комментариев, как само собой разумеющееся, не ссылаясь на польский вариант и, возможно, исходя из словоформы «хлад»: «...Хлудов (от “хлуд” — “холод”))» (С. 106).

¹³ *Гудкова В. В.* Время и театр Михаила Булгакова. М., 1988. С. 74.

¹⁴ *Варламов А. Н.* Михаил Булгаков. М., 2008. С. 383.

¹⁵ Известно, что по решению Московской городской Думы (постановление № 117 от 1886 г.) для строительства детской больницы был выделен участок земли на Большой Царицынской, ныне Большой Пироговской улице — от Малой Трубецкой улицы до Архивного переулка. Эта клиника для незаразных больных строилась на частные пожертвования Михаила Алексеевича Хлудова по проекту, разработанному архитектором К. М. Быковским при участии Н. А. Тольского и знаменитого гигиениста — профессора Ф. Ф. Эрисмана. Строительством клиники вплоть до его завершения также руководил Н. А. Тольский. Директором клиники и профессором кафедры был назначен Н. Ф. Филатов, он и открывал клинику детских болезней на Большой Царицынской, ныне Большой Пироговской улице в мае 1891 г.

¹⁶ *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. М., 1992. С. 55.

¹⁷ *Верещагин В. В.* Михаил Дмитриевич Скобелев // Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков. М., 2000. С. 255.

¹⁸ *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. СПб., 2006. С. 155.

¹⁹ *Репин Л.* ...И тигр стерёг фамильный особняк // Комсомольская правда. 27 августа 2007.

²⁰ *Варенцов Н. А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 209.

²¹ См., напр.: *Леонидов Л. М.* Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. М., 1960. С. 45.

²² *Гудкова В. В.* Судьба пьесы «Бег» // Проблемы театрального наследия М. А. Булгакова. Л., 1987. С. 48.

²³ *Зингерман Б. И.* «Горячее сердце» А. Н. Островского. МХАТ. 1926 // Спектакли двадцатого века. М., 2004. С. 113.